

"ОХОТА НА ВЕДЬМ" В ПРАГЕ*

Спустя два с половиной года после "бархатной революции" Вацлавская площадь и днем и ночью переполнена людьми — в основном туристами и иностранцами, приехавшими в Чехословакию помогать перестраивать страну или просто побыть там, где что-то происходит.

Большая часть зданий в центре Праги отремонтирована, поблескивают свежевыкрашенными стенами.

До сих пор сохранилось много магазинов коммунистической эры. Их вывески как этюды в коричневых тонах на коричневом же фоне, а названия говорят о том, какие товары в них продают — "Табак", "Аптека". Но теперь они перемежаются модными магазинами — таков магазин здоровой пищи "Сельская жизнь" и магазин, продающий американские футболки с надписью "Prague: Czech it Out".

За исключением нового огромного МакДональда такие изменения происходят, в основном, благодаря германским капиталовложениям.

Есть что-то наивное и невинное в этой новой атмосфере. Даже проститутки, которые теперь осаждают отели, как раньше это делала секретная полиция, выглядят неопытными школьницами, покручивая своими неизящными сумками словно коробками со школьным завтраком. В своей комнате в отеле я обнаружила и Библию, и рекламу ночных клубов и кабаре со стриптизом, а среди множества изданий, продаваемых по городу, есть "Prague Post" на английском языке, в которой помещена большая реклама The New York Review of Books, нью-йоркского книжного обозрения — публикации, которую когда-то я ввозила в страну контрабандой.

* Jeri Laber. *Witch Hunt in Prague*. — "The New York Review of Books", April 23, 1992. Статья печатается с небольшими сокращениями.

Я побывала в Праге в марте впервые за последние два года. В старые времена такой отрезок времени большого значения не имел. Я знала, чего ожидать, когда отправлялась туда для наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений о правах человека. Ситуация была черной. С одной стороны — коммунисты, которые за двадцатилетний период "нормализации" после советского вторжения в 1968 г. заявляли, что в партии состоит каждый пятый в стране. Тогда казалось, что коммунисты руководят деятельностью всех гражданских институтов. В оппозиции к коммунистам была небольшая группа активистов "Хартии 77". Некоторые из них сами в прошлом были коммунистами, они поддерживали идеи "пражской весны" и порвали с компартией в 1968 г. Этим людям подвергали преследованиям и гонениям и, тем не менее, они продолжали сопротивляться властям с замечательной стойкостью. Создавалось впечатление, что оставшаяся часть населения никакой погоды не делает. О представителях этого слоя некоторые диссиденты отзывались свысока как о "серой зоне". Эти люди были пассивны и, как тогда казалось, старались держаться вне политики, по выходным дням находя убежище на своих дачах и избегая столкновений с режимом. Среди людей, с которыми я первым делом встретилась по прибытии в Прагу в марте 1992 г. были Вацлав Гавел, Йиржи Динстбир, Мартин Палоуш и Петр Ул. Я знала их как диссидентов на протяжении более десятка лет, все то время, в течение которого Американская хельсинкская комиссия следила за соблюдением прав человека в Чехословакии. Теперь Гавел стал президентом, Динстбир министром иностранных дел, Палоуш заместителем министра иностранных дел, а Ул — генеральным директором Чехословацкого агентства новостей. Когда-то мы встречались на улицах, в парках, в неприметных забегаловках. На этот раз я встретилась с Гавелом в раззолоченных залах Пражского кремля и позировала для фотографов по окончании встречи с ним. И все же, несмотря на все эти чудесные метаморфозы, мои заботы, как это ни грустно,

остались прежними. Я приехала обсуждать проблемы прав человека в посткоммунистической Чехо-Словакии с правительством, в котором высшие посты занимают мои бывшие соратники по правозащитному движению.

4 октября 1991 г. Чешское и Словацкое национальные собрания приняли новый закон, ставший известным как Акт о люстрации (от латинского слова, означающего очищение путем принесения жертвы). Он направлен против бывших агентов секретной полиции и ее осведомителей, против бывших коммунистов, занимавших посты районного уровня и выше, и против тысяч других людей, принадлежавших к таким группам как добровольная Народная милиция, которой руководила партия. Он также относится к членам комитетов, которые после прихода коммунистов к власти в 1948 г. и после оккупации 1968 г. отстраняли нежелательных или подозреваемых в чем-то граждан от работы и участия в гражданских организациях и исключали из высших учебных заведений. Закон о люстрации распространяется также на сотрудников полиции, которые проходили тренировку в Москве. По данным Международной организации труда (МОТ), более миллиона человек могут быть затронуты этим законом. В соответствии с ним, бывшим членам перечисленных групп запрещается на пятилетний срок занимать высокие административные должности в правительстве, министерствах и армии, в разведывательных органах, полиции, на государственном радио и телевидении, в агентствах новостей и государственных предприятиях, включая внешнеторговые компании, железные дороги и банки. Закон также отстраняет их от занятия высоких постов в системе образования и от должностей судей, прокуроров, следователей и ряда других, связанных с судопроизводством.

Закон позволяет гражданам оспаривать решение перед независимой комиссией. К концу марта эта комиссия получила около трехсот заявлений с просьбой о пересмотре, из них рассмотрено пока всего восемь. "И это только начало, — сказал мне в Праге один жур-

налист, — все гораздо серьезнее, чем кто-либо себе представлял".

У закона две цели: отстранить от государственных должностей людей, которые в прошлом занимали определенные официальные посты или принадлежали к определенным группам населения, а, во-вторых, разоблачить тех, кто работал на секретную полицию, и исключить возможность занятия этими людьми государственных должностей. Закон горячо обсуждался в парламенте в конце 1991 г. и был принят очень небольшим большинством голосов. Многие депутаты, чья жизнь прошла в борьбе против коммунизма, голосовали против этого закона вместе с коммунистами, которые располагали 13% 350 парламентских мандатов. Иржи Динстбир назвал депутатов, голосовавших за законопроект, "по духу большевиками правого толка".

В соответствии с законом, при разбирательстве дел бывших коммунистов и их пособников бремя доказательства невиновности лежит на обвиняемых, т.е. тот, кто стремится занять высокий пост, должен предоставить документ Министерства внутренних дел, заверяющий, что он (или она) чист, не принадлежал ни к одной из перечисленных выше организаций. Таким образом, закон исходит из предпосылки общей, коллективной вины; он карает людей за принадлежность к определенным группам населения, невзирая на то, когда они присоединились к данной группе, какой деятельностью занимались и насколько были вовлечены в нее. (Внесенный правительством в парламент законопроект первоначально предполагал, что должностные лица будут заводить дела только против отдельных граждан, которые, по их мнению, ответственны за конкретные нарушения прав человека, но эта версия закона была изменена в ходе парламентских дебатов.

В отношении агентов тайной полиции и осведомителей закон полагается на документы, обнаруженные в картотеке СТБ — чехословацкой секретной полиции. Таким образом, закон не принимает во внимание возможность фальсификации документов со злым умыс-

лом или корыстной целью и предполагает, что информация полиции правдива, если не доказано обратное. Но в архивах полиции не достаёт многих досье: более 15 тыс. дел, в основном на сотрудников, занимавших высокие посты, и на должностных лиц были уничтожены СТБ в последние дни коммунистического режима. Рихард Сахер, первый назначенный после революции министр внутренних дел, был, как мне сказали, близок к некоторым лицам в секретной полиции и мог позволить уничтожить еще некоторые досье.

В начале 1990 г. Гавел заменил Сахера Лангошем, бывшим диссидентом, верующим католиком, воинствующим антикоммунистом. Собрав в Праге полицейские картотеки со всей страны, Лангош подготовил почву для принятия закона о люстрации. Списки, написанные от руки, как и введенные в компьютеры, по существу являются каталогом к огромному количеству полицейских досье. В них содержатся имена около 140 тыс. секретных агентов, внештатных осведомителей и связных за период с 1948 по 1989 г., когда у власти были коммунисты.

Сторонники закона о люстрации утверждают, что информация, содержащаяся в этих списках, надежна. Тем самым они доверяются секретной полиции, которая на протяжении всех этих лет лгала, вводила в заблуждение граждан и преследовала их. Похоже, эта полиция все еще правит — даже из могилы.

Закон о люстрации стал своего рода естественным продолжением той меры, которая ранее затрагивала лишь членов парламента. Уже в феврале 1991 г. была назначена специальная комиссия по изучению полицейских досье членов парламента и разоблачению тех из них, кто числился в списках агентов или сотрудников органов госбезопасности. Поскольку парламентарии были народными избранниками и обладали иммунитетом, они не могли быть смещены, так что тех, чьи имена были обнаружены в списках и досье, комиссия поставила перед выбором: либо они тихо уйдут в отставку, либо они будут публично разоблачены. 22 марта 1991 г. на специальной сессии парламента, передававшейся по

телевидению, были вслух зачитаны имена десяти человек, сотрудничавших с полицией. Это были имена депутатов, отказавшихся уйти в отставку. Некоторые из них в настоящее время оспаривают выдвинутые против них обвинения.

Сторонники закона о люстрации считают, что он коснется лишь нескольких тысяч должностей. Однако в Министерство внутренних дел было подано более 300 тыс. заявлений. Никто не знает, скольким было отказано в приеме на работу. Ситуация кажется неуправляемой, и она становится еще более запутанной из-за того, что некоторые ведомства и предприятия, на которые не распространяется закон о люстрации, все же предпочли устроить проверку своим сотрудникам.

В связи с резолюцией Международной организации труда об отмене или изменении Закона о люстрации, поскольку он дискриминирует людей на основании их политических взглядов и исходит из концепции коллективной вины, 99 членов парламента недавно проголосовали за то, чтобы направить этот закон в Конституционный суд.

Прага переполнена слухами, сплетнями, подозрениями и опасениями, во многом базирующимся на ложной информации из досье СТБ. Атмосфера в городе напряженная и неприятная. У всех, с кем бы я ни встречалась, было чем со мной поделиться: рассказом о человеке, доносившем на своего брата; о коллеге, задачей которого было сообщать о сексуальных наклонностях его сотрудников; о доносчиках в движении Хартия 77 — мне говорили, что им был каждый пятый. Я встретила старым другом, которого разоблачили как осведомителя. Я знала его как глубоко уважаемого адвоката, защищавшего диссидентов, когда другие от этого отказывались. Он помог мне подготовить мою первую поездку в Чехословакию в 1979 г. Я слушала его с готовностью поверить в то, что он "вступал в отвлеченного рода дискуссии об обществе", а не доносил полиции на своих коллег. Ряд известных диссидентов выразил свое сочувствие нескольким доносившим. "Некоторые из моих

лучших друзей оказались осведомителями, — сказал мне Ян Урбан, известный журналист, противник закона о люстрации. — Я узнал, как госбезопасность сломала их. Не хочу судить. Я не знаю, как я сам повел бы себя на их месте". Павел Братинка, парламентарий, заявивший мне, что он "полностью на стороне закона о люстрации", сказал, что полицейские досье все же "очень печальное чтиво. В них епископы, священники, кинорежиссеры, а иногда попадают и твои друзья". Но его сочувствие не безгранично: "Сотрудники госбезопасности должны были быть надежными, поэтому их никто не неволил, хотя, возможно, оказывали давление на некоторых информаторов".

4 марта парламент отверг предложение об опубликовании имен всех сотрудников секретной полиции и осведомителей. В то же время он одобрил резолюцию, предоставляющую всем гражданам доступ к их собственным досье. Могут, однако, пройти годы прежде чем эта резолюция будет реализована. Пока же досье хранятся под замком, и доступ к ним имеют только министр внутренних дел Лангош, его заместитель и еще несколько высокопоставленных должностных лиц. Но все же многое стало известно. Сразу же после революции кое-кто изыскал способ просмотреть свои собственные и чужие досье, переснять их, а то и уничтожить. Впоследствии списки и досье избранных депутатов, разоблаченных в качестве сотрудников или осведомителей госбезопасности, стали доступны всем членам парламента, и те в процессе ознакомления смогли почерпнуть из них информацию и о других лицах.

В Праге мне доверительно говорили, что видели досье на кого-то другого и без всякой нужды начинали пересказывать содержавшиеся в нем сведения, "конечно, только между нами". Несколько таких непрошенных откровений имели место в присутствии мало знакомого человека — моей переводчицы, но в ее сторону рассказчики и бровью не повели.

Самую большую известность о подозрении в связях с СТБ приобрело дело Яна Кавана (см. статьи Лоуренса

Вешлера в этом номере журнала. — Ред.)...Другой случай касается Зденека Млинаржа, в прошлом члена политбюро ЦК КПЧ и близкого сподвижника Александра Дубчека во время "пражской весны". 13 февраля представитель Министерства внутренних дел заявил от имени группы следователей министерства, что восемнадцать бывших руководителей Коммунистической партии совершили государственную измену, побывав в советском посольстве в Праге вскоре после вторжения 1968 г., когда советские официальные лица пытались сформировать так называемое рабоче-крестьянское правительство, которое должно было сменить руководство Дубчека. Министерство внутренних дел закрыло глаза на то, что Млинарж отказался войти в какое бы то ни было новое правительство, а из посольства немедленно направился на проводившийся в подполье XIV съезд КПЧ, где рассказал собравшимся там коммунистам-реформаторам о случившемся. Большинство других обвиняемых — сторонников просоветской линии, входивших в группу из восемнадцати человек, — уже не может быть привлечено к суду, так как истек двадцатилетний срок давности. Но Млинарж, мужественно вышедший из партии и ставший одним из авторов Хартии 77 и первых подписавших этот документ, в 1978 г. был вынужден эмигрировать, и срок его пребывания за границей не засчитывается в этот двадцатилетний срок.

Млинарж активно выступает против закона о люстрации. Он публично призвал Гавела не подписывать его. Отношение к люстрации сына Млинаржа Владимира — журналиста, работающего в еженедельнике правого уклона "Респект", двойственное. "Для демократии это плохо, но нужно, — сказал он мне. — Я необъективен, потому что это затрагивает моих родителей". (Мать Владимира — Рита Климова, посол Чехо-Словакии в США — потенциальная жертва закона о люстрации, так как ее обвиняют в том, что она входила в комитет по проверкам, когда ей было шестнадцать лет.)

По словам Владимира Млинаржа, закон почти не затрагивает высших партийных деятелей, так как они занимают

высокие выборные должности, работают в частном секторе или же вышли на пенсию. Даже Мирослав Штепан, глава пражской партийной организации, осужденный за приказ подавить демонстрацию 17 ноября 1989 г., которая стала преддверием "бархатной революции", уже отбыл шестимесячное заключение и теперь надписывает читателям книгу своих мемуаров.

Владимир расстроен, что никто, даже Гавел, не встал на защиту его отца. Хотя некоторые считают, что Млинаржа несправедливо обвинили из-за того, что он подверг критике закон о люстрации, Владимир предпочел объяснить нелепое обвинение его отца в государственной измене политической тупостью полиции. "Я надеюсь, что дело именно в этом, иначе я разуверюсь во всем, что здесь происходит", — сказал он.

Я спросила Владимира, не обеспокоен ли он тем, что может сам стать мишенью из-за прошлого своих родителей. Он опроверг такого рода предположения. Однако во время встречи с руководителем одного из пражских мозговых трестов, который нехотя "подчищал" кадры, я узнала, что на него уже оказывают давление, чтобы он не принимал на работу детей бывших коммунистов.

Закон о люстрации — это симптом сдвига вправо в политической жизни страны, но у этого закона есть и сторонники среди людей умеренных взглядов. Некоторые полагают, что закон необходим в интересах справедливости. Они говорят об общем недовольстве медленным ходом реформ и о несбывшихся надеждах. Они считают несправедливым, что бывшие полицейские и коммунисты занимают сплошь и рядом привилегированные посты в управлении, а зачастую и в частном секторе, в то время как бывшие политические заключенные, даже получившие травмы и ставшие инвалидами в результате преследований, от так называемой бархатной революции не получили ничего. После двадцати с лишним лет ожидания ими овладевает нетерпение. Они говорят, что коммунисты препятствуют реформам и демократии и что бывшие коммунисты-националисты в Словакии угро-

жают разорвать страну пополам. В ретроспективе, по их мнению, "бархатная революция" была слишком мягкой. За ней, утверждают они, должно было сразу же последовать революционное возмездие, как последовали аресты после августовского путча в Москве. И все же некоторые вначале поддерживавшие закон о люстрации омрачены ходом его реализации и тем накалом ненависти и жажды отмщения, которые этот закон пробудил к жизни. Как я увидела, активнее всего добиваются сведения счетов не диссиденты, более других пострадавшие при коммунистах. Эти люди, привыкшие выражать свои взгляды открыто, по всей вероятности, менее других нуждаются в катарсисе; они также не испытывают необходимости доказывать свою благонадежность. В основном ищущие возмездия — это люди из "серой зоны". Не будучи ни коммунистами, ни диссидентами они отсиживались, не делая ничего, что могло бы вызвать неодобрение властей; поэтому они и не подвергались преследованиям. Некоторые считают, что эти люди страдают от угрызений совести и мстят за собственное унижение. Настаивая на "очищении", они хотят показать, что они чисты. Поэтому они ищут козлов отпущения, нападая даже на коммунистов, инспирировавших "пражскую весну". Некоторые из представителей "серой зоны" слишком молоды, чтобы помнить "пражскую весну". Одна молодая женщина сказала мне, что их "тошнило" от дубчеховской концепции "социализма с человеческим лицом".

Пытаясь объяснить, почему они сами не примкнули к диссидентам, они называют их круг "мафиозным образованием". У многих ищущих возмездия против коммунистов имеются политические мотивы и устремления. Они поддерживают Вацлава Клауса, нынешнего министра финансов (сейчас он уже глава правительства. — Ред.), политически "чистого" экономиста правого крыла, который работал в группе экономических прогнозов Академии наук.

Клаус — человек спокойный и уверенный в себе. У него много последователей. О нем говорят, что он "никогда ничего не подписывал". ("Как и большинство

чехов, — отметил один недавно возвратившийся эмигрант. — За это они его и любят".) Клаус — поклонник экономических теорий Мильтона Фридмана, он привержен цели быстрого строительства рыночной экономики, даже ценой социальных трудностей. Его популярность объясняется тем, что пока безработица в стране все еще не превышает 7%. Клаусу следует отдать должное за поддержку, которую он с 1989 г. оказывает малым предпринимателям; ему же принадлежат планы по широкой ваучеризации. Но вернемся к закону о люстрации...

2 марта 1992 г. Гавел сместил генерального прокурора Ивана Гаспаровича, которого обвиняли в медлительности расследований относительно бывших коммунистов и сотрудников секретной полиции. Этот акт Гавела некоторые расценили как уклон вправо...

"Мы еще не нашли решения, как достойно и цивилизованно осознать наше прошлое и сделать из этого соответствующие выводы, — сказал мне Гавел во время нашей прошлой встречи. — Акт о люстрации затрагивает только мелкую сошку. Крупная над нами смеется. Активные проводники прошлого режима стали капиталистами и на них суда нет". В недавнем интервью с Адамом Михником Гавел выразил озабоченность по поводу "произвола мести и охоты на ведьм". "Я не чувствую потребности мстить, — сказал он Михнику, — но как государственный деятель я не имею права объявить всеобщую амнистию от лица других граждан".

Гавел подписал Акт о люстрации, заявив при этом, что он немедленно попытается обеспечить внесение в него ряда поправок. Эти поправки предусматривали, что дело каждого гражданина должно разбираться независимым судом индивидуально. Однако сформулированы они были Гавелом в форме письма парламенту, а не юридическим языком, что могло ускорить их формальное обсуждение в парламенте.

"Гавел расчетливо ведет себя с правыми, — сказал мне один его бывший поклонник, — это уже не прежний Вацлав Гавел".

Подход Гавела отличался от подхода президента

Венгрии Арпада Гонча, который отказался подписать законопроект, продлевающий срок давности, что позволило бы расследовать дела тех, кто подозревался в преступлениях, совершенных во время революции 1956 г. и после нее. Президент Гонч направил этот законопроект во вновь созданный Конституционный суд, и тот, вопреки ожиданиям, счел его противоречащим конституции.

Вацлав Гавел и до того как стал президентом, и после вступления на пост выдвигал высокие критерии нравственности, выражая уверенность в том, что Чехословакия восстановит понятия "чести, порядочности и взаимного уважения". "Во всем мире, — говорил он, — были поражены тем, как эти обозленные, униженные, циничные граждане Чехословакии, которые, как казалось, не верят ни во что, нашли в себе огромную силу за несколько недель сокрушить тоталитарную систему и сделать это совершенно мирным и достойным образом". Но он также предупреждал: "У нас нет права во всем обвинять лишь наших прежних правителей, и не только потому, что это было бы несправедливо, но также потому, что это умалило бы меру той ответственности, которая сейчас требуется от всех нас".

Гавел был глубоко обеспокоен. В начале 1990 г., когда Чехословакия все еще находилась в обволакивающем дурмане, он предупреждал меня, что "скоро настанут тяжкие времена". "Сорок лет подавлялись человеческие эмоции, и сейчас начнут проявляться самые отрицательные из них". Два года спустя сбылись некоторые из его самых мрачных опасений.

Можно объяснить, почему охота на ведьм проходит так активно в Германии и Чехословакии. В обеих странах у власти были чрезвычайно репрессивные правительства, не дававшие отдушины недовольству. Единственным выходом было бежать из страны. В Польше и Венгрии, где при коммунистах возникли параллельные структуры гражданского общества, процесс декоммунизации не настолько жесток. В 1989 г. в Польше и Венгрии были реформистские правительства, вступавшие в диалог с диссидентами. Эти правительства, пусть и неохотно, все

же согласились с переменами. Правительства же Чехословакии и ГДР развалились в одночасье, в результате чего возник идейный и духовный вакуум. "Для многих смысл жизни состоял в борьбе со старым режимом, — сказал мне пражский психолог. — И сейчас мы наблюдаем скатывание к иррациональному мышлению. Люди чувствуют себя неуверенно". После продолжительного сна чехи и словаки оказались в мире, в котором они чувствуют себя неуютно. Результатом является ксенофобия, неприязнь ко всему непривычному и чужеродному: цыгане, вьетнамцы, гомосексуалисты и коммунисты — все стали объектом подозрений и предрассудков.

Как может Чехословакия ответственно отнестись к своему прошлому, осознать свою историю и извлечь из накопленного опыта соответствующие уроки? В Праге я обнаружила своего рода консенсус относительно того, что следовало бы сделать. Тех, кто совершил явные преступления, нужно привлечь к ответственности, предоставив обвиняемым полную возможность защитить себя перед независимым судом.

Необходимо признать страдания жертв коммунизма, в особенности погибших и подвергавшихся пыткам. Во всех случаях, где это возможно, должна быть выдана финансовая компенсация.

Должна быть создана независимая комиссия для сбора документации обо всех случаях нарушения закона с тем, чтобы была выявлена полная правда.

Люстрация — это всего лишь суррогат правды, и совершенно очевидно, что это не выход. Как и политика "прощения и забвения". Страна страдала слишком много и долго. Граждане Чехословакии должны признать тот факт, что невозможно и нежелательно наказывать каждого коммуниста за каждый проступок. Основной виновник — коммунистическая система — уже похоронен... Коммунизм подавлял человеческое достоинство, вынуждал людей скрывать свои мысли, он заставлял их заявлять о поддержке системы, которую они презирали. Коммунизм создавал атмосферу, в которой никто никому не доверял...

Невозможно возместить ущерб всем жертвам. Главной

жертвой стало само общество. Замешанными оказались все — не только коммунисты или молчаливо соглашавшиеся. Даже диссидентов вынуждали идти на компромиссы. Таково страшное наследие коммунизма. И не нужно разбираться с ним методами, которые применяли бывшие притеснители; лучше последовать призыву Вацлава Гавела восстановить такие понятия как "честь, порядочность и взаимное уважение".